

ДЭВИД
СОЛОЙ

ДЭВИД
СОЛОЙ

КАКОВ
ЕСТЬ
МУЖЧИНА

Москва
2018

УДК 821.111-32(71)
ББК 84(7Кан)-44
С60

David Szalay
ALL THAT MAN IS

Copyright © 2016 by David Szalay
This edition published by arrangement with United Agents LLP
and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *Д. Шепелева*

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Солой, Дэвид.
С60 Каков есть мужчина / Дэвид Солой ; [пер. с англ.
Д. Шепелева]. — Москва : Эксмо, 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-04-097513-6

Девять историй, девять мужчин – один цельный портрет современной жизни.

Европейский ландшафт полон трагикомических взлетов и падений. Бывший военный, избалованный папенькин сынок, университетский профессор, застенчивый студент – каждый из них ищет себя в глобализированном мире, продираясь сквозь липкую вязь бытия, то разочаровываясь в себе, то адаптируясь к окружающему. Солой мастерски проникает в мироустройство человека, раскрывая многогранность нашего бытия.

УДК 821.111-32(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-097513-6

© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Всему свое время,
и все на свете имеет причину.*

ЧАСТЬ I

Семнадцать, я влюбился...

Глава 1

Берлин. Центральный вокзал.

Сюда приходят поезда из Польши, и здесь оказались два молодых англичанина, прибывших из Кракова. Вид у них жуткий, у этих подростков, они устали, осунулись и пропылились после десяти дней путешествия по железной дороге. Один из них, Саймон, вперил пустой взгляд в никуда. У него приятная внешность: высокие скулы, импозантное, хоть и невыразительное, нервное лицо. Вокзальный буфет в семь утра полон шума и дыма, и Саймон слышит с неудовольствием разговор двух мужчин за соседним столиком — один, кажется, американец, а другой, постарше, немец. Именно он говорит с улыбкой:

— Вы потеряли только четыреста тысяч солдат. Мы потеряли шесть миллионов.

Ответ американца не разобрать из-за шума.

— Русские потеряли двенадцать миллионов¹ — мы убили шесть миллионов.

Саймон закуривает польскую сигарету, видит в меню слово Spiegelei² и кладет на стол в ожидании официанта деньги — евро, приятные на вид, современные день-

¹ Так у автора. — Здесь и далее примеч. пер.

² Яичница-глазунья (нем.).

ги. Ему нравится, какой дизайнеры подобрали шрифт, простой, без всяких завитушек.

— Только в Ленинграде умер миллион человек. Миллион!

Люди пьют пиво.

На улице начинает накрапывать дождик, увлажняя серые окрестности вокзала.

С официантом вышло препирательство насчет того, можно ли получить один Kaffeehäuschen¹ и две чашки. Ответ был отрицательным. Им придется пить из одной чашки — Саймону и его другу, который стоит сейчас у таксофона (их мобильники здесь не действуют), полускрытый дымчатым пластиком, и пытается связаться с Отто.

Саймон подумал, что официант в своем засаленном алом фартуке вел себя с ними по-хамски. А вот другим угождал — Саймон мрачно следил, как он движется между столиками, сквозь дым и шум, — мужчинам в костюмах и с газетами, а еще тому типу, который быстро поднял взгляд, натянул улыбку и посмотрел на часы, пока официант разгружал поднос.

Голос из динамиков начинает вещать о прибывающих/отправляющихся поездах. Резкий, сухой голос откуда-то извне, оттуда, где суровый ветер атакует пространство вокзала. Этот голос словно заслонка на звуковой трубе — лает, умолкает и снова лает.

Саймон уже знаком с плавным тональным мотивом, предвещающим каждое вторжение голоса.

этого голоса и его эха

И этот плавный тональный мотив, звучащий снова и снова, уже, кажется, стал продолжением его усталости, чем-то, находящимся у него, внутри, субъективным.

¹ Кофейник (нем.).

Официант прямо-таки отвешивает поклон человеку в костюме.

Жизнь вокзала бурлит и клокочет, словно грязевой поток. Люди. Люди движутся через вокзал, как грязевой поток.

И снова этот вопрос:

Что я здесь делаю?

Он видит, как его друг Фердинанд вешает трубку.

Они уже не первый день пытаются связаться с Отто — молодым немцем, с которым Фердинанд познакомился в Лондоне несколько недель назад, сказавшим, возможно, находясь под градусом, возможно, даже не ожидая такого стечения обстоятельств, что они могут запросто зависнуть у него, случись им быть в Берлине.

Фердинанд возвращается к столику с выражением озабоченности на лице.

— Опять без ответа, — говорит он.

Саймон курит и ничего не отвечает. Он тайно надеется, что Отто так никогда и не объявится. Его никогда не грела мысль пожить у Отто. Он не встречался с ним в Лондоне, а все, что он слышал о нем, не внушало симпатии.

Он говорит:

— Ну и что мы будем делать?

— Я не знаю, — отвечает его друг. — Просто поедем к нему на квартиру?

У него есть адрес Отто — Отто *ожидает* их где-то в апреле, примерно так они условились, отправляя сообщения из Лондона по фэйсбуку.

Они едут две остановки на Эс-бане¹, и потом еще долго ищут эту квартиру, и когда, наконец, неожиданно ее находят, к полному своему удивлению, — на за-

¹ Городская железная дорога (нем.).

чуханной улочке на задворках квартала, — поблизости нет никого, кроме полица в зеленой форме. Он ждет на лестничном пролете, одним пролетом ниже этой самой квартиры, в тусклом свете из высокого окошка.

Непонятно, что он здесь делает...

Может, Отто убили?

Они в нерешительности.

— Таг¹, — говорит мужчина, и по его интонации они понимают, что никакого убийства тут не было.

Они объясняют, что ищут Отто, и полицейский, очевидно знающий, кто такой Отто, говорит, что его здесь нет. Здесь никого нет.

Они ждут.

Они ждут больше часа, Фердинанд несколько раз наведывается к таксофону на улице, пытаясь дозвониться людям, могущим знать, куда подевался Отто, а Саймон тем временем сидит на кафеле в огромном пространстве холла и пытается одолеть «Послов»² в потрепанном «пингвиновском» издании — книжка обычно обитает у него в рюкзаке, в одном из карманов на молнии. Его уставшие глаза читают строчки:

Живите в полную силу; жить иначе — ошибка. Не столь уж важно, чем именно вы занимаетесь, пока ваша жизнь в ваших руках. Если же нет, что тогда у вас есть? Я слишком стар — по любой мерке для таких мыслей. Что потеряно, то потеряно; в этом не сомневайтесь. Однако у нас есть иллюзия свободы; так что не забывайте, как я сейчас, об этой иллюзии. В нужное время я был либо слишком глуп, либо слишком рассудителен для этого, и теперь эта ошибка вызывает у меня такую реакцию. Занимайтесь тем, что вам нравится, до тех пор, пока не достигнете цели. Ибо это была ошибка. Живите, живите!

¹ Добрый вечер (нем.).

² Роман Генри Джеймса.

Он вынимает ручку из того же кармана, в котором лежал роман, и отчеркивает сбоку эти слова. А за чертой, на полях, пишет: *ГЛАВНАЯ ТЕМА*.

Фердинанд возвращается с улицы, увлажненный игривым дождиком.

— Что же нам делать? — спрашивает он.

Снова Эс-бан.

Дождь кончился. Они многое видят из окон вагона. Мемориальный кусок Стены, густо разрисованный психоделическим граффити. Они не помнят того мира. Они слишком молоды. Там солнце, на пустой земле, светит через пространства, где раньше стояла Стена. Солнечный свет. Через окна вагона Эс-бана, сквозь разводы пленки грязи, он касается прикрытых глаз Саймона.

Что я здесь делаю?

Что я здесь делаю?

Поезд стучит колесами, переходя через стрелку.

Что я

Поезд замедляет ход
здесь делаю?

и подходит к станции под открытым небом — Варшауэрштрассе. На платформе ветрено, а кругом — пустырь.

Пустошь¹.

Апрель, беспощадный месяц...

Они влюблены в Элиота, в его мелодический пессимизм. Они благоговеют перед Джойсом. Он тот, кем они хотят стать, — колоссом, подобным ему. Именно писатели и их книги сделали парней друзьями. И еще трагедии Шекспира. И *L'Étranger*². И проблемы Владимира и Эстрагона³, которые им нравится воображать своими собственными проблемами. В ожидании Отто.

¹ Так же называется поэма Томаса Элиота.

² «Посторонний» (*фр.*), повесть Альбера Камю.

³ Персонажи пьесы Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо».

Варшауэрштрассе. Поезда идут мимо бурно разросшейся сорной травы. Весенние ливни лупят наотмашь по облупленным рекламным щитам, эстакады наполняют окрестности звуком невидимого движения.

В Кройцберге, совсем выбившись из сил, они садятся пообедать.

Кройцберг их разочаровал. Предполагалось, что это хипстерский район, *Alternativ*¹ квартал. Фердинанд особенно разочарован. Саймон спокойно ест — рот у него прекрасной формы. Он ничего не ждал от Кройцберга. Не испытывал к нему никакого интереса и считает своего друга наивным (хотя ничего такого не говорит) за одну мысль о том, что тут интересно.

За едой разговор заходит о том, насколько здесь все дороже, чем в Польше (они побывали в Варшаве, Кракове, Аушвице), хотя они считают, что повышение цен оправданно, ведь в Берлине все — лучшего качества. Еда, к примеру. Они едят с аппетитом.

Потом вдруг вспоминают школьных товарищей. Они в последнем классе, этим летом сдают экзамены на аттестат о среднем образовании и надеются осенью начать учебу в Оксфорде. (Именно поэтому Саймон безрадостно прочесывает труды Генри Джеймса в поисках материала, относящегося к «Международной теме».)

И вот, когда они обсуждают разных людей — всяких мудаков по большей части, — Фердинанд неожиданно упоминает Карен Филдинг.

Он и не подозревает, запросто бросая это имя среди прочих, что Карен Филдинг — предмет мечтаний его друга, и в этих мечтах они говорят о чем-то, их взгляды скрещиваются, а руки внезапно соприкасаются, и после этих грез он словно еще чувствует прикосновение ее руки, переживая моменты поглощающего восторга. Эти

¹ Альтернативный (нем.).

мечты он заносит в свой дневник, очень добросовестно, исписывая страницу за страницей об их возможном значении и о самой природе такого процесса, как мечтание.

В реальном же мире он и Карен Филдинг едва ли обменялись парой слов, и чувства его ей неведомы — если только она не заметила, как его взгляд неотступно следует за ней, — когда она идет с подносом по столовой или когда выполняет обратное сальто, играя в лакросс в своем запачканном костюме. На самом деле единственное, что Саймон знает о ней, — это что ее семья живет в Дидкоте — он слышал, как она говорила об этом кому-то, — и с того самого момента слово «Дидкот» обрело в его сознании значение особенного, таинственного обещания. Как и ее имя, это слово кажется ему слишком значительным, чтобы его можно было записать, но однажды вечером в молодежном общежитии в Варшаве, пока Фердинанд принимал душ, он все же написал его, и от этого его сердце забилось чаще: *Кажется бессмысленным путешествовать по Европе, когда единственное место, где я хочу быть, — это тихий, провинциальный английский.*

Его ручка зависла над страницей.

А затем он написал это слово.

Дидкот.

Однако ее имя, обладавшее еще большей силой, он так и не осмеливался доверить бумаге.

А сейчас, когда Фердинанд произносит его, Саймон просто кивает и добавляет сахару в свой кофе.

Он жаждет говорить о ней.

Больше всего на свете он хотел бы посвятить весь вечер разговорам о ней или тому, чтобы слышать, как ее имя произносится вновь и вновь, эти четыре слога, заключающие, казалось бы, все, ради чего стоит жить. Но вместо этого он уже не в первый раз заводит разговор о незавидной участи туриста.

Фердинанд тем временем помешивает кофе, глядя в стол, и слушает, как его друг с нездоровой горячностью муссирует эту тему.

Что пытается делать турист? Повидать всяких вещей? Повидать жизнь? Но жизнь повсюду — тебе не нужно скитаться по Европе, чтобы увидеть ее...

единственное место, где я хочу быть

Перестав притворяться, что слушает его, Фердинанд начинает подписывать открытку. Открытка с видом краковского кафедрального собора, черного и зубчатого. Она предназначается одной девчонке в Англии, с которой он вроде как флиртует, но которая ему даже не слишком нравится, однако все равно он считает, что игра стоит свеч. Он улыбается, поглаживая массивный подбородок, поросший щетиной. *Мы оба отпускаем бороды* — это звучит так по-мужски. Закончив, он вслух читает написанное, надеясь на одобрение друга. А затем встает и идет в сортир.

Пока его нет какое-то время, Саймон сидит в зале с солнцем ресторане и смотрит, как от его сигареты вьется струйка дыма.

Возможно, это усталость вызывает в нем желание завопить:

Что я здесь делаю?

Его охватывает чувство одиночества, неукротимое, как ураган. Его друг после десяти дней пути большую часть времени кажется ему источником раздражения. Он пытался изобразить улыбку, когда тот читал ему открытку и показывал рисуночек бородача, сделанный зелеными чернилами. А как он пшикался своим «Джупом»! А затем убирал его в ячейку камеры хранения на вокзале. И как он напоказ задирает футболку для этого пшиканья! Чтобы весь мир лицезрел растительность на его груди... В такой момент... И такой вот персонаж оказывается его *другом*, попутчиком. Неу-

кротимое, как ураган, чувство одиночества, охватывает его.

Пока он смотрит, как дым поднимается от его сигареты.

В залитом солнцем ресторане.

Вечером они снова навещают квартиру Отто и видят там его сестру с двумя друзьями в кожаном прикиде: у одного, пониже, все лицо в пирсинге — это Лутц, а другой, намного выше и с моржовыми усами, — это Вилли. Сестра Отто знать не знает, кто такие Саймон и Фердинанд, но после их объяснений говорит, что они могут чувствовать себя здесь как дома, дожидаясь Отто, — когда-нибудь он должен объявиться. А затем говорит, что она как раз уходит с друзьями.

Оставшись одни, Саймон и Фердинанд чувствуют себя как дома. Квартира на удивление большая, и они бродят по ней, постепенно входя во вкус, наливая себе явно недешевый виски и осматривая содержимое шкафов. В одном Саймон находит стопку необычных карт. Должно быть, это Таро, думает он. Перевернув карту, видит картинку с рукой, держащей какой-то посох. *As der Stäbe*¹, написано на ней. Туз жезлов? Похоже, фаллический символ. Не особо тонко. Без разницы. Чушь. Он закрывает шкаф.

Около двух ночи вваливается Отто — они спят в спальнях мешках на полу гостиной.

Он включает свет и вопит.

Затем он замечает Фердинанда, который поднимает голову. Отто, моргая, смотрит на него и кричит:

— Бля, чувак, ты это *сделал!*

— Отто...

¹ Туз жезлов (*нем.*).